

И. С. Тургенев и обитатели Дмитровского уезда

Иван Сергеевич Тургенев никогда не был в Дмитровском уезде, но был знаком с Александрой Николаевной Бахметевой и семейством Олсуфьевых, живших в своих поместьях в Дмитровском уезде – Шихово и Никольское-Обольяново.

П. А. Кропоткин, последние годы проживший в Дмитрове (1918-1921), был лично знаком с писателем, высоко ценил его творчество. И. С. Тургеневу он посвятил главы в «Записках революционера» и работе «Идеалы и действительность в русской литературе».

Александра Николаевна Бахметева (1823-1901) познакомилась с И. С. Тургеневым в юном возрасте в Италии, когда ей было 16 лет. Она получила домашнее воспитание, владела несколькими языками, прекрасно играла на фортепиано, была хороша собой и умела поддержать беседу. Этому способствовала и сама атмосфера московского дома. Её мать Мария Дмитриевна содержала литературный салон, который посещали П. А. Вяземский, Е. А. Баратынский, Д. В. Давыдов, где шли бесконечные беседы об искусстве, о месте художника в обществе, о судьбах России... В Риме, куда Ховрины приехали в 1839 году, их частыми гостями были Н. В. Станкевич, И. С. Тургенев, художник Марков, немецкий художник Рунд.

Шушу, так в семье называли Александру, пользовалась успехом у молодых людей. Тургенев вспоминал, что Александра «была очень мила и, кажется, втайне, чувствовала большую симпатию к Станкевичу, который отвечал ей дружеским, почти отеческим чувством. <...> Мы разъезжали по окрестностям Рима вместе, осматривали памятники и древности». И. С. Тургенев и сам был не равнодушен к Александре Ховриной. Об этом свидетельствуют два стихотворения писателя, посвященные Александре Николаевне.

Одно из них так и называется — «А. Н. Ховриной».

Что тебя я не люблю

День и ночь себе твержу.
Что не любишь ты меня —
С тихой грустью вижу я.
Что же я ищу с тоской,
Не любим ли кто тобой?
Отчего по целым дням
Предаюсь забытым снам?
Твой ли голос прозвенит —
Сердце вспыхнет и дрожит.
Ты близка ли — я томлюсь,
И встречать тебя боюсь,
И боюсь и привлечен...
Неужели я влюблен?..
26 апреля 1840 г.

Встречалась ли Александра Ховрина с Тургеневым позднее, неизвестно. Возможно, юношеское увлечение осталось одним из приятных воспоминаний для них обоих. В конце 1840 г. семья Ховриных возвращается в Москву. Там Александра сходитя близко с семьей Аксаковых и с Н. В. Гоголем, со славянофилами А. С. Хомяковым, Ю. Ф. Самариным и др. Она пробует себя на литературном поприще, но первые попытки неудачны.

В 1849 г. Александра Николаевна выходит замуж за Петра Владимировича Бахметева (1818-1896), шталмейстера Двора Е.И.В., действительного статского советника, предводителя дворянства Дмитровского уезда Московской губернии (1859-1872 и 1875-1893). Бахметевы владели сельцом Шихово в Дмитровском уезде. С середины 1850-х гг. Бахметевы поселяются в Москве на Малой Дмитровке. С этой поры Александра Николаевна с головой уходит в работу. Ее интересует жизнь подвижников и великомучеников земли русской, основы христианства на Руси. В первую очередь, ее занимали темы, связанные с детским восприятием Бога. В 1857 г. выходит ее первая, ставшая впоследствии самой известной (выдержала 17 изданий, последнее в 1912 г.), книжка «Рассказы для детей о земной жизни

Спасителя и Господа Бога нашего Иисуса Христа». В книге в живой и доступной форме передаются события библейской и церковной истории. В первую очередь она предназначалась для народного и детского чтения.

В 1864 г. Александра Николаевна Бахметева избрана почетным членом Общества любителей российской словесности. До конца своих дней она изучала историю церкви и с удивительной простотой умела излагать самые трудные постулаты церковного учения.

Александра Николаевна много занималась благотворительностью, состояла попечительницей Шиховского училища Дмитровского уезда Московской губернии. После своей смерти А. Н. Бахметева завещала 10 000 руб. на устройство при Дмитровской больнице приюта им. П. В. Бахметева для хронических и неизлечимых больных на 14 коек, который был открыт в 1903 г.. Кроме того, не менее 22000 руб. давалось на устройство Гульневской лечебницы, а также 2500 руб. на устройство при Дмитровской больнице хирургического павильона¹.

Александра Николаевна Бахметева окончила свой земной путь 12 июня 1901 г., похоронена в Новодевичьем монастыре.

Граф Дмитрий Адамович Олсуфьев (1862-1937) после октябрьского переворота и «красного террора», прошел мучительный путь многих беженцев из России, пока не обрел последнее пристанище во Франции. В эмиграции он прожил 18 лет, принимая активное участие в общественно-культурной жизни русского зарубежья. Олсуфьев писал статьи о России, её известных деятелях, с которыми он был связан родственными узами, светскими связями и политической карьерой.

В сборнике «На чужой стороне» (Прага, 1925) впервые появились его воспоминания о И.С. Тургеневе. Долгие годы они не были доступны российскому читателю. Первая публикация появилась в 1993 году с комментариями Р. М. Алексиной. В частности, говорилось, что в тексте опущены места, «которые не имели значения для биографии писателя»². Возможно, они не имели значения для биографии Тургенева, но для понимания самого Олсуфьева, эти места, безусловно,

---

¹ Очерки истории города Дмитрова. Конец XVIII-XX. — М., 2006. — С. 353.

² Олсуфьев Д. А. Тургенев. Воспоминания и заметки / Подготовка текста и примечания Р. М. Алексиной // Спасский вестник. — 1993. — № 2. — С. 52-61.

важны сами по себе. Сборник «На чужой стороне» хранится в библиотеке ГАРФа и доступен для читателей.

Предыстория знакомства графа Д. А. Олсуфьева с И. С. Тургеневым такова. В 1875 г. семья Олсуфьевых отправилась в заграничное путешествие, которое было предпринято Анной Михайловной Олсуфьевой, как средство заглушить боль от утраты 16-летнего сына Василия, скоропостижно скончавшегося в июне 1875 г. от скарлатины. Почти 2 года семья Олсуфьевых прожила во Франции с 1875 по 1877 г. В то время Дмитрию было 13-14 лет.

В Париже Олсуфьевы входили в круг лиц, знакомых с Тургеневым. Для юного Дмитрия события полувековой давности настолько врезались в память, что он описывает их с такими подробностями и живостью, что перед нами возникает живой образ писателя. Свидетельства современников о Тургеневе составляют целую Тургениану, но голос Олсуфьева не затерялся среди многочисленных воспоминаний. В нем слышится юношеская восторженность, и трезвый взгляд прожившего в свете человека, и размышления о времени и атмосфере вокруг знаменитого писателя.

Олсуфьев посвятил Тургеневу две главы в воспоминаниях «Вечный ковер жизни» (М., 2016): «Иван Тургенев» и «Типы у Тургенева и Толстого». Он признается, что Тургенев был его любимым писателем: «...мне близок Тургенев, потому что я сам похож на него — слабого, и веселого, и меланхолически грустного. Я в миниатюре Тургенев, а не Пушкин, не Толстой, не, тем менее, Достоевский... Холостое одиночество, слабость воли, леность, неуверенность в себе, неудачливость в семейной жизни, дворянская утонченность, честолюбие связывают меня с Тургеневым».

Герой «Отцов и детей» Евгений Базаров стал для многих молодых людей того времени примером для подражания. Таким был Илларион Дуброво, воспитатель Дмитрия и Михаила Олсуфьевых, повторивший судьбу Базарова. Биография Дуброво была удивительным образом похожа на жизненный путь литературного героя: демократ по убеждениям, врач, спасающий больного ценою собственной жизни.

Помимо воспоминаний о Тургеневе Д.А. Олсуфьев подготовил и опубликовал статью «Пророческий пессимизм Тургенева. К 50-летию кончины», которая хранится в РГАЛИ в фонде Союза русских писателей и журналистов в Югославии. 1932-1933 г.³.

Статья была написана в 1933 г. Поводом для её написания явилась не только юбилейная дата, но и подлинное письмо И. С. Тургенева к Павлу Анненкову 1857 г., попавшее в руки Дмитрия Адамовича от С. Г. Хвоцинской, эмигрантки, проживающей во Франции. Оно небольшое, но по своему содержанию отражает настроение писателя и некоторые замечания по поводу публикации рассказа «Поездка в Полесье». Олсуфьев связал воедино несколько произведений Тургенева, написанных в пору его мрачного и болезненного душевного состояния, неслучайно. В «Поездке в Полесье», «Призраках», «Довольно», романе «Дым» для Дмитрия Адамовича, пережившего личную катастрофу и «великий русский бунт», были близки настроения Тургенева, потерявшего веру в будущее человечества и России.

Отношение двух гениев русской литературы Толстого и Тургенева – еще одна тема в статье Дмитрия Адамовича. Хорошо знавший Толстого, Олсуфьев целиком на стороне Тургенева, который высоко ценил художественный талант Толстого, но не принимал его богоискательство, самоосуждение, назвав это «скрыпом и треском внутренней возни».

В рассказе «Призраки» Тургенев, по мнению Олсуфьева, под Степаном Разиным «предчувствовал кого-то вроде Владимира Ильича 20-го века ...будущего Пугачева из университета».

Воспоминания Олсуфьева не претендуют на полноту и широту взглядов, но дополняют биографию Тургенева и самого Дмитрия Адамовича. Их пишет аристократ не только по происхождению, но и по духу, в котором гармонично сочетались образованность, ум, прозорливость с даром слова.

П. А. Кропоткин о И. С. Тургеневе

---

³ Олсуфьев Д.А. Фонд 2482, оп.1. Союз русских писателей и журналистов в Югославии. 1932-1933 г. Статьи и воспоминания.

Воспоминания П.А. Кропоткина о Тургеневе составили небольшую главу «Записок революционера». Первое личное знакомство Петра Алексеевича с Тургеневым произошло в 1878 году в Париже. Через Петра Лаврова он был приглашен на квартиру писателя с предложением отпраздновать удачный побег, совершенный в 1876 г. из госпиталя. Кропоткин воспринял приглашение как большую честь. С детства он зачитывался «Записками охотника» и романами Тургенева. Тургеневские девушки определили отношение Кропоткина к женщинам, благодаря чему ему удалось найти супругу, с которой он счастливо прожил до конца дней. Тургенев своим внешним видом произвел большое впечатление на Кропоткина: красивый, высокого роста, крепко сложенный, с мягкими седыми кудрями. Кропоткин говорит, что из всех беллетристов XIX века Тургенев, без сомнения, не имеет себе равных по художественной отделке и стройности произведений. «Проза его звучна, как музыка, - как глубокая музыка Бетховена; а в ряде его романов — «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети», «Дым» и «Новь» — мы имеем быстро развивающуюся картину «делавших историю» представителей образованного класса, начиная с 1848 г. Все типы очерчены с такой философской глубиной и знанием человеческой природы и с такою художественною тонкостью, которые не имеют ничего равного ни в какой другой литературе».

Тургенев пишет П.Л. Лаврову о впечатлении, которое произвел Кропоткин на него: «Князь Кропоткин был у меня и крайне мне понравился. Очень интересная личность!».

В 1878 г. Тургенев часто видится с Кропоткиным. По словам Лаврова писатель вел с ним долгие разговоры «о его планах и взглядах на русские общественные дела...».

Кропоткин пишет: «В последний раз я видел И. С. Тургенева не то осенью, не то в июле 1881 г. Он был уже очень болен и мучился мыслью, что его долг — написать Александру III, который недавно вступил на престол и колебался еще, какой политике последовать, указать ему на необходимость дать России конституцию».

Кропоткин называл себя «восторженным поклонником» произведений Тургенева. В своей работе «Идеалы и действительность в русской литературе» автор отводит Тургеневу одно из первых мест в истории русского искусства. Тургенев-писатель был особенно близок, созвучен Кропоткину.

Совершенное «чувство прекрасного» и «высоко интеллектуальное содержание» творчества — в этом, по его мнению, «главная характеристика... поэтического гения» Тургенева.

Отрывки из воспоминаний Д.А. Олсуфьева

В моем отрочестве мне посчастливилось несколько раз видеть и слушать Тургенева в дружески-простой семейной обстановке. Об этих случаях я и хочу рассказать. Старость имеет грустное и вместе с тем сладостное преимущество: быть свидетельницей и рассказчицей того, что уже давно отошло в вечность. Яркие впечатления ранней молодости всегда оставляют резкий след в памяти. Я восстанавливаю их на этих страницах в возможной для меня точности.

Зимние сезоны 75-76 и 76-77 годов семья наша проводила в Париже [...]

Нечего и говорить, что тогдашняя интеллигенция благоговела перед Тургеневым. Он был писателем, чутко улавливающим все ее настроения. Близкий друг Флобера, Доде, Золя и других европейских знаменитостей, добрую половину своего зрелого возраста проживший за границей и впитавший в себя, как никто из наших писателей, драгоценный сок западной культуры, Тургенев был во мнении русской интеллигенции не только великим художником-писателем, но и воплощением европеизма, т.е. культуры, гуманности, просвещенного либерализма.

...Итак, мы молодежь, обожали Тургенева. Он жил тогда в семье знаменитой певицы Виардо, в одном с нами городе. Мы настолько горели желанием поскорее увидеть славного писателя, что, слоняясь по улицам Парижа, мы, мальчики, вглядывались в каждого убеленного старца, надеясь узнать в нем Тургенева. И, наконец, желанный миг настал. Мы встретились с Тургеневым не на улице, не в публичном собрании, но в интимном кругу, в маленькой гостиной, в одной дружественной нам семье. Мы были ему представлены; он нам, мальчикам, подал

руку; мы с сдерживаемым восторгом слушали его мягко и непринужденно льющиеся речи в течение целых двух вечеров.

...Тургенев был «causeur»⁴, собеседник старой школы. Он любил говорить и говорил с удивительным остроумием, изяществом и непринужденной плавностью речи. Конечно, он был привычен к тому, чтобы его слушали. Куда бы Тургенев ни приходил, он становился центром кружка, и беседа его лилась неистоимо. Окружающие только подавали ему реплики, делали краткие возражения. Великий мастер разговорного слова, он всюду парил над обществом, его окружавшим. Эта манера его держать себя иногда производила неблагоприятное впечатление рисовки и некоторого высокомерия.

Давнишний знакомый нашей семьи и мой еще недавний коллега по Государственному Совету, покойный профессор Максим Ковалевский, близко знавший Тургенева и очень им ценимый, рассказывал нам, что м-м Виардо в тех случаях, когда её старый друг, который слишком рисовался перед слушателями, останавливала его словами: «ne riaffez pas! Ne rioffeez pas». Как известно, французский глагол «riaffer» употребляется в применении к застоявшейся лошади, когда она, красуясь, в нетерпении бьет землю копытом передней ногой. Тургенев, конечно, любил щеголять своим красноречием, и во всей повадке его держать себя в обществе, несомненно, чувствовалась сановная важность, так сказать, генерала от литературы. В этом отношении простота в обхождении, которая была у Льва Толстого, составляла полную противоположность манере Тургенева.

* * *

Прежде, чем рассказать о первой нашей встрече с великим писателем, мне нужно ввести еще одно лицо в свое повествование. В ту зиму жила в Париже со своей семьей Елена Сергеевна Рахманова (ум. 1916)⁵. Конечно, еще многие из бывшего петербургского общества ее помнят; уверен, что образ ее остался дорогим для всех ее знавших. Рожденная княжна Волконская, в первом браке за

---

⁴ «causeur» (фр.) - болтун, любящий и умеющий поговорить.

⁵ Елена Сергеевна Рахманова (1835-1916) - ур. кн. Волконская. И. С. Тургенев познакомился с ней в сер. 50-х гг.

Молчановым, во втором — за Кочубеем и в третьем — за Рахмановым. Сын её, Миша Кочубей, был в то время «гимназического» возраста, как и мы, и наши семьи скоро между собою сблизилась и крепко сдружилась. С особою теплотою вызываю в памяти образ этой исключительной по привлекательности женщины. Думаю, что и будущему биографу Тургенева нельзя будет обойти ее молчанием, насколько долголетними были ее дружеские отношения с Тургеневым.

Елена Сергеевна не скрывала своего поклонения перед Тургеневым; великий писатель отвечал ей нежною дружбою; а было время, как я слышал, когда он находился совсем под ее чарами. Судьба г-жи Рахмановой была не из обыкновенных. Дочь декабриста князя Волконского, г-жа Рахманова принадлежала к лучшему, просвещеннейшему кругу высшего русского общества. Родилась она в рудниках Сибири, как дочь каторжанина — лишенная титула, дворянства, всех имущественных и гражданских прав. Сибирь и каторга воспитали молодую девушку, и она получила возможность приехать в Россию лишь ко времени коронации императора Александра II, когда после 30-летней каторги и ссылки всем декабристам была дана амнистия. От старшего поколения я слышал, что молодая женщина (по первому мужу Молчанова) была тогда очаровательна. Она привлекла к себе общее внимание и сочувствие в свете и ее называли «la belle siber»ienne⁶, как бы сближая её этим названием с героиней прошумевшего в то время романа де Мэстра «La jeune siber»ienne». Недавно я прочел в только что вышедших воспоминаниях князя С. М. Волконского (бывшего директора императорских театров) родного племянника г-жи Рахмановой, который, конечно, гораздо ближе, чем я, знал эту женщину, следующие прочувствованные строки, ей посвященные. Выписываю не подряд, но делаю сводку из всего им сказанного: «Очаровательная в молодости, своеобразная, самобытная, Е. С.Рахманова имела ту прелесть обхождения, которая делала её кумиром всех знавших её от Иркутска до Парижа». Горячее сердце и безграничная широта её души производили то, что горе людское и людская радость стекались к ней и всегда находили в ней горячий отклик. В Риме — продолжает её племянник — у «тёти Нелли» образовалось русское подворье, куда

---

⁶ la belle siberienne (фр.) — прекрасная сибирячка(фр.) — прекрасная сибирячка) — прекрасная сибирячка.

стекались все приезжающие». Прибавлю от себя, что гораздо раньше описываемого автора воспоминаний времени, в 70-х гг. в Париже у г-жи Рахмановой было тоже своего рода подворье, куда собирались разнообразные по внутреннему содержанию, разнокалиберные по внешнему положению русские люди и где все они находили привет и теплоту. Со своей стороны затрудняюсь определить, в чем состояла главная прелесть этой женщины. По-моему, она не блистала ни особым умом, ни широким образованием, ни выдающеюся красотой. Меньше всего госпожа Рахманова подходила к типу женщин, называемых синими чулками. Отнюдь не была она светскою львицей или даже просто элегантною светскою дамой. Но в ней была какая-то притягательная простота, какая-то чарующая непосредственность и цельность всей ее природы. Изящество души ее выражалось в пренебрежении всех пошлых условностей жизни, всех внешних мелочей ее, и в этом Елена Сергеевна была истинная аристократка в лучшем непререкаемом значении этого слова. При всем её в хорошем смысле демократизме и народничестве, г-жа Рахманова далека была от левых убеждений, как и Достоевский, Сибирь и каторга не сделали её революционеркой. В её старости я её знал глубоко православною, монархических убеждений женщиной.

В дни моего отрочества, в Париже, я помню ее невысокого роста смуглой брюнеткой с живыми, выразительными темными глазами. Молодежь наша ее горячо полюбила и крепко к ней привязалась. Да так случилось и со всеми, кто к ней приближался. Случилось это, как я уже сказал, и с Тургеневым, находившимся долгое время под ее чарами. Сама Елена Сергеевна не скрывала, что Тургенев был ее кумиром. По искренности своей природы г-жа Рахманова не сдерживалась и в выражении своей неприязни к г-же Виардо. Она признавала Виардо злым гением, опутавшим судьбу Тургенева, и помню, как однажды, при всех нас, она не постеснялась назвать знаменитую певицу одним очень резким русским словом: «эта харя» Виардо. Тороплюсь прибавить, что никогда я не слышал, чтобы между Тургеневым и г-жей Рахмановой было что-либо большее, чем платоническое увлечение друг другом. Я упомянул уже, что в обществе г-жу Рахманову звали Нелли; среди русской аристократии принято давать женщинам английские уменьшительные прозвания. Я намеренно упоминаю об имени «Нелли», и вот по

какому поводу. В знаменитом романе Тургенева «Отцы и дети» старый барин, холостяк, Павел Кирсанов, тяжело больной, в полубреду говорит стоящему у его постели брату с нежностью глубокого, давно пережитого чувства: «А помнишь... Нелли, княгиню Р.?»⁷.

«Вот оно, когда всплыло» — подумал при этом имени брат подивился живучести старых чувств в человеке». Читая это место романа Тургенева, мне всегда казалось, что в этом в этом воспоминании о «Нелли» скрывалось что-то автобиографическое для самого автора, намекавшее на его далекое, глубоко запавшее чувство к г-же Нелли Рахмановой.

* * *

Первая наша встреча, первый вечер, проведенный нами с Тургеневым, был у г-жи Рахмановой. ...Был среди гостей тогда еще совсем молодой, впоследствии весьма известный московский пианист и композитор С. И. Танеев⁸. Хозяйка и все мы с волнением ждали — придет или не придет... Тургенев. Наконец, раздался запоздалый звонок; хозяйка спешит навстречу, и из передней (квартира была небольшая) слышится чей-то неторопливый мягкий теноровый голос. У Тургенева голос составлял контраст с его могучей фигурой; высокий, немного грузный и сутуловатый, с седою коротко остриженной бородой и пышными белыми с завитками на лбу длинными волосами, Тургенев имел осанистую фигуру красивого старика; но голос у этого старца-богатыря был тонкий, нежный, немного гнусоватый, чисто русский, дворянский голос, «медовый», с присюсюкиванием, как определял такие голоса Достоевский. Хорошо не помню, представляли ли нас, молодежь, старику или не представляли: нам было не до этого, мы все трепетно благоговели, боялись проронить одно слово Тургенева и не могли на него наглядеться. Мы были на двух таких вечерах с Тургеневым у Елены Сергеевны. Они врезались у меня в памяти, но расскажу об них конспективно, соединяя оба вечера в один.

---

⁷ «А помнишь... Нелли, княгиню Р.?» - фраза из романа «Отцы и дети».) — прекрасная сибирячка.

⁸ Танеев Сергей Иванович (1856-1915). Тургенев с ним познакомился в Париже в конце 1876 г. Танеев гостил у него в Спасском-Лутовинове.

«Началось» с того, что попросили молодого Танеева что-нибудь сыграть. Помню, что он сыграл что-то техническое, трудное, блестящее. «Пальцы хороши», — одобрительно сказал Тургенев, однако тут же преподавал молодому пианисту какие-то советы и указания в тоне опытного знатока музыки, которого никакою игрою не удивишь. Нам тогда показалось это слишком покровительственное обращение с профессором консерватории, хотя и молодым, несколько для него обидным.

Музыка происходила в столовой; потом перешла в соседнюю небольшую гостиную. В комнате стало довольно тесно; молодежь сидела по стенкам, вперив глаза в Тургенева и насторожив уши. Он уселся один, посреди комнаты, на покойном кресле подле стола. Его упрости прочесть отрывок из только что вышедшего последнего его большого романа «Новь». Тургенев прочел сцену, когда Сипягин, несимпатичный тип петербургского бюрократа-карьериста, едет арестовывать молодых революционеров.

...Чтение Тургенева было мастерское, восхитившее все общество. При чтении Тургенев играл лицом: помню, что он представлял, как Сипягин губами перекачивает сигарету из одного угла рта в другой и т. п. Упомяну еще, что стихи Тургенев читал нараспев, почти как музыкальный речитатив или мелодекламацию, то повышая, то понижая тональность голоса. Такова была старая у нас манера еще пушкинского времени чтения стихов. На стихи смотрели не как на рифмованную прозу, но заботились о музыкальности общего впечатления. По окончании чтения начался общий разговор или, говоря точнее, почти непрерывающаяся речь одного Тургенева. Отдельные точки, так сказать, вехи беседы у меня крепко врезались в память.

...Из русских писателей Тургенев поклонялся Пушкину, а из современников превозносил Толстого. Перед Толстым Тургенев считал себя маленьким. Завязался любопытный спор: хозяйка, верная поклонница Тургенева, горячо ему доказывала, что он выше Толстого, а Тургенев опровергал свою хвалительницу.

Из современных французских писателей Тургенев не любил Виктора Гюго. Тургенев высмеивал его напыщенность и тщеславие. Он уверял, что Гюго только и думает о том, на какой площади и какой памятник поставят ему после смерти.

Тургенев считал величественность Гюго поддельною. Помню, как он в горячности восклицал: «Шекспир — величествен, Гюго — не величествен». Это еще не так удивило присутствующих, но когда Тургенев за сим воскликнул: «Пушкин величествен, Байрон не величествен», некоторые из дам пришли в сильное возмущение и готовы были подумать, что Тургенев над ними издевается или просто зарпортовался.

* * *

... Проведя таким образом два вечера у г-жи Рахмановой в обществе знаменитого писателя, мы, молодежь, осмелели и стали мечтать о посещении Тургенева на дому, *pour voir le lion dans sa caverne* (чтобы посмотреть на льва в его берлоге). Тургенев жил тогда на *rue Douai* на правах члена семьи в одной квартире, хотя и в разных этажах, с семьею г-жи Виардо. Мне запомнилось название улицы, потому что кто-то из нас тогда же придумал незатейливый каламбур: «*la rue Douai est bien douée*» (т.е. улица Дуэ даровитая улица)⁹. Надо ли добавлять, что и в этом предприятии покровительницей нашей была все та же, всегда баловавшая нас Елена Сергеевна. Через нее Тургенев назначил нам день и час, и мы с трепетом явились к нему под водительством г-жи Рахмановой. Визит наш был не совсем удачен и продолжался не более четверти часа. Должно быть, мы немного запоздали, и настал уже для хозяина час его обычного гуляния. Тургенев принял нас несколько небрежно, немного в том стиле, как принимают знаменитые артисты своих театральных поклонниц: не помню, чтобы он кого-нибудь из нас, молодых, о чем-нибудь расспрашивал, с кем-либо отдельно беседовал. Разговор поддерживала одна Елена Сергеевна, поместившись в кресле подле хозяина, сидевшего на диване; мы же — прекрасная сибирячка почтительно разместились полукругом против них на стульях. Изю всех нас самая восторженная поклонница Тургенева была моя кузина Соня Всеволожская, не отрывавшая от него все время своего восхищенного взгляда. Пылкая, увлекающаяся, в ту пору горячая «народница», она по своему внутреннему облику очень напоминала Марианну из «Нови». Тургенев, видимо, почувствовал это

---

⁹ В доме, где жили семья Виардо и Тургенев, бывали много раз Сен-Санс, Массне, бр.) — прекрасная сибирячка Рубинштейны, Танеев, Гуно и мн.) — прекрасная сибирячка др.) — прекрасная сибирячка На этой же улице жили Золя и Рубинштейны.)

нескрываемое обожание, можно сказать, влюбленность молодой девушки. По крайней мере, после он говорил Елене Сергеевне, что красивые, голубые глаза моей кузины ему понравились.

Вспоминается мне, что Тургенев жил во втором этаже; что и кабинет и вся квартира были небольшие; что в комнатах было бесшумно и мягко, т. е. были ковры, мягкие диваны и кресла. Помню, что над диваном, где он сидел, были по ковру развешаны ружья и другое охотничье убранство, а посередине красовалась пышная бобровая шапка, какие носили в то время русские бары. Черты лица Тургенева свидетельствовали о чисто русском типе. Но мягкие, спокойно-небрежные манеры, все его внешнее обличие, даже усвоенный им стиль одежды, не напоминали обычного типа русского писателя; фигура его, величавая и изящная, носила отпечаток тонкой, западной культуры и сближала его с европейскими знаменитостями литературы и науки, с теми людьми, которым французы дают почетное именование «*maitr»es*». Тургеневу вполне подходило это название. Тургенев тотчас после нас вышел из дому на прогулку, и мы могли еще раз полюбоваться издали на красивого старика, в темном просторном пальто, мягкой шляпе и в широком небрежно повязанном шарфе, идущего медленной поступью по бульвару с задумчиво склоненною головою.

* * *

Мы еще два раза были в его доме на rue Douai, но уже не у Тургенева, а в квартире г-жи Виардо, в нижнем этаже. Там была зала, в которой устраивались Тургеневым и г-жою Виардо ежегодные концерты в пользу бедных русской колонии. Помещение было небольшое, билеты были дорогие, и благотворительные концерты эти, естественно, собирали богатую публику из русской Парижской колонии, а не демократические ее элементы¹⁰.

Я был на двух таких концертах, но в рассказе своем соединяю их в один. Интересною новинкою для нас, молодежи, была давняя знакомая для меломанов

---

¹⁰ И. С. Тургенев известен как основатель Русской библиотеки-читальни в Париже, до конца жизни материально поддерживающий ее существование. В пользу этой библиотеки И. С. Тургенев с помощью П. Виардо и своих друзей устраивал литературно-музыкальные «утра».

старших поколений, знаменитая г-жа Виардо. Мне припоминается она величавой, с гордой поступью старухой, худощавой, некрасивой, с большим губастым ртом и черными, несмотря на ее возраст, волосами. М-м Виардо замечательно выразительно, с сильной драматической фразировкой исполнила с хорошим русским произношением романс, музыка которого, кажется, была ее собственная на чудесные стихи Пушкина — разговор орла через решетку темничного окна с заключенным. Призывные слова царственной птицы: «Давай улетим... Пора, брат, пора... туда, где гуляет лишь ветер да я», знаменитая артистка пропела с удивительным подъемом и энергией, отдельно отчеканивая фразы. Спела г-жа Виардо еще известный романс Чайковского «Нет, только тот, кто знал свиданья жажду», и спела тоже с большим драматизмом. Сильными оставались у певицы лишь средние ноты, контральтового тембра; но голос уже звучал, как надтреснутый колокол, чтобы не сказать, кастрюля. Виардо, как я сказал, была очень некрасива, так что невольно припоминалось резкое словечко про ее наружность ее соперницы по чувству к Тургеневу, г-жи Рахмановой. Непосвященному трудно понять, как мог Тургенев до конца жизни оставаться в любовном плену у г-жи Виардо. На одре смерти последнее обращение Тургенева было к этой, неизменно любимой им женщине: «Вот она, — царица цариц», — говорил умирающий, и то были одни из последних его слов.

На концерте, о котором я рассказываю, ярким контрастом старости г-жи Виардо явилась впервые перед публикой во всем блеске красоты и молодости, как голоса, так и наружности, ее ученица, г-жа Панаева. Помню ее блестящее, но несколько холодное исполнение знаменитой Глинковской арии «Любви роскошная звезда». Сама певица была тогда еще только восходящей звездой русской сцены.

Этим и исчерпываются мои отроческие воспоминания о Тургеневе. После каждой встречи с ним, как между старшими в нашем кружке, так в особенности между молодежью шли долгие обсуждения и даже горячие споры обо всем нами слышанном из уст великого писателя. Вот почему главные темы его беседы так прочно запечатлелись в моей памяти. Осенью 1877 г. семья наша переселилась на жительство в Москву. <...>

После я уже не встречал Тургенева в частном кругу, но только в общественных собраниях во время памятных его приездов в Россию в 1879 и 1880 гг. Памятными они остались потому, что эти последние посещения Тургеньевым своей родины обратились тогда в события русской общественной жизни. Русское общество точно почувствовало, что оно прощается со своим любимым писателем, и всюду встречало и провожало его восторженными овациями. Такие единодушные овации со стороны образованных русских людей всех возрастов и партий явились справедливым возданием знаменитому романисту после долгой предшествующей полосы его жизни, когда он был предметом жестоких и незаслуженных нападков нашей журналистики. То были последние, смутные годы царствования Александра II, омраченные первыми революционными выступлениями.

Политическая тенденциозность царила у нас даже в литературной критике: правые нападали на Тургенева за его отрицательное отношение к нигилизму и русскому революционному движению. Но надо сказать, что огромное большинство образованного общества и в особенности учащейся молодежи, всегда настроенной у нас идеалистически, никогда не переставало видеть в Тургеньеве своего любимого писателя, на мыслях и чувствах которого оно воспитывалось. В особенности женская учащаяся молодежь горячо приветствовала Тургенева, как несравненного поэта русской девушки. Восторги молодежи глубоко растрогали Тургенева. Он отозвался на них в одном из своих прелестных «Стихотворений в прозе».

Вспоминая эти последние встречи свои с молодежью, Тургеньев уподобляет себя старому камню на морском побережье, когда в весенний солнечный день его ласкает и согревает прибой морских волн. Мне приятно думать, что и наш учащийся кружок составлял часть толпы, с любовью окружавшей тогда Тургенева, и что среди любящих волн, согревших старое сердце великого русского писателя на закате его дней, была и моя капля.